

Марина Гёфинггофф
Венский университет,
кафедра славистики
Вена, Австрия

Вклад галицких философов в формирование научной терминологии в украинском языке второй половины XIX в.

Предлагаемая статья занимается анализом философской терминологии на территории Галичины, где в конце XIX века существовали предпосылки для возникновения западного варианта украинского литературного языка. Специфика украинской философской терминологии – как и научной терминологии вообще – определялась как интра-, так и экстралингвистическими факторами. К экстралингвистическим факторам относятся развитие философской мысли и философского образования в Украине во второй половине XIX в., культурные связи украинского народа с другими народами, положение украинской нации и украинского языка и т.д., подробнее осветить которые поможет короткая характеристика исторической ситуации.

Либерализация политической системы Австро-Венгерской империи в 1848 г. привела к подъёму национального движения также и среди галицких украинцев. Во Львове была сформирована первая русинская политическая организация, ставшая национально-представительным органом галицких русинов и получившая название „Головна Руска Рада”. В документах „Руской Рады” есть высказывания, на основании которых можно сделать ошибочный вывод, что галицкие русины отождествляли себя с малороссами. Например, в тексте воззвания „Руской Рады”, датированного 10 мая 1848 г. и опубликованного в первом номере газеты „Зоря Галицкая” от 15 мая 1848 г., можно прочитать о принадлежности галицких русинов к 15-миллионному „русскому” народу: „Ми, русини галицькі, належимо до великого руського народу, котрий одним говорить языком і 15 мільонів виносить, з котрого півтретя мільона землю Галицьку замешковує”.¹ О том же говорится и в обращении к венскому парламенту, составленном „Головной Руской Радой”. Это обращение, датированное 31 июля 1848 г., было первым в ряду нескольких подобных документов, адресованных венскому парламенту и имевших своей целью разъяснить, что же представляет собой “рутенская национальность”, отличающаяся от поляков языком, письменностью, обычаями и церковным обрядом. Галицкие русины не могли в 1848 году называть себя украинцами по той простой причине, что термин “украинцы” тогда еще не употреблялся как

¹ Вендланд интерпретирует эту формулировку как предвещающую идею украинской национальной программы. В обращении содержалась кроме того ссылка на общие исторические корни, имеющие начало в Киевской Руси, что обозначает лояльность по отношению и к российскому государству [6: 41].

обозначение национальности, а слово “Украина” было чисто географическим названием, относившимся к району Поднепровья, даже не граничившему с Галичиной, а отделенному от нее землями Волыни и Подолии. Поэтому русины на своем галицко-русском языке называли себя, как испокон веков повелось, – русинами, а на немецком языке – “рутенами” (Ruthenen), но никак не “украинцами”. Если бы русины хотели определенно заявить о своей принадлежности к малороссам, им следовало бы назвать себя по-немецки Kleinrussen (малороссы). Однако по политическим мотивам в 1848 г. требовалось избежать слова Russen даже с приставкой Klein, ведь малороссы тогда считались частью русского народа. Причём, российских малороссов рутенами никогда не называли. Ещё в 1839 г. М. Максимович писал в своей „Истории древней русской словесности“: „Собственно Русским языком называется у нас теперь язык Великороссиян, которые сами себя зовут и в Малороссии называются собственно Русскими: народный же язык Южной Руси называется обыкновенно Малороссийским наречием... Но в Галиции и по сию пору тамошний язык не перестал называться просто языком Русским – тем именем, которое и всей Южно-Русской речи принадлежало исстари, которым называлась она первая, еще прежде чем усвоилось оно языку Великороссиян (как и самое имя Руси или Русской земли сперва принадлежало Киевской земле)” [3: 398].

Характеризуя языковую ситуацию в Галичине середины XIX в., Пашаева пишет: „Нужно еще помнить, что интеллигенция русинов тогдашней Галичины состояла б.ч. из представителей духовного сословия, а известно, что полонизация конца XVIII - начала XIX вв. коснулась его очень сильно и порой даже домашним языком был язык польский. Для того, чтобы писать на родном языке, надо было его хорошо знать. Для научной деятельности народные наречия – будь то бойковское, лемковское или гуцульское – были вовсе непригодны. [...] Большая часть галицких будителей-священников обращалась к своему читателю на том же языке² как к пастве, понятном ей – смеси народных говоров, церковнославянского и русского языков“ [4: 29].

Социальные перемены, наступившие в Галичине в результате буржуазной революции 1848 г., коснулись и духовной жизни. Прежде всего это отразилось на философской мысли. В 50-х годах в Галичине были очень популярны идеи античной философии и философии средневековья (наглядный пример тому публикация на страницах „Зори Галицкой“ очерка „Грецькii фильософы“). На страницах галицкой прессы предпринимались скромные попытки ознакомить читателей с философской тематикой в рамках научно-популярных статей. В этой связи

² Этот язык получил название “язычие”, подробнее о “язычии” см. Michel Moser „Jazyčije“ – ein Pseudoterminus der sprachwissenschaftlichen Ukrainistik. „Studia Slavica Hungarica“, 2004, № 49/1-2, с. 121-147.

необходимо отметить значение галицкой прессы для формирования национального литературного языка, её вклада в обогащение словарного запаса за счёт использования уже имеющихся лексических ресурсов. Активное участие прессы в процессе создания и популяризации терминологической лексики – как интернационального происхождения, так и созданной на базе разговорного языка – было обусловлено практическим отсутствием научной литературы: в Галичине на рутенском языке не издавалось ни научных журналов, ни сборников.³ Одной из первых рутенских газет была „Зоря Галицкая“⁴, которая начала выходить во Львове в 1848 г. как печатный орган „Головной Руской Рады” и печаталась до 1850 на украинском языке в его западном варианте. Позднее газета утратила своё влияние на развитие украинского языка в Галичине, так как в результате смены редакции изменилась и её языковая ориентация: газета стала рупором руссофилов, призывающих к единству с русской культурой и признанию русского языка в качестве литературного. В последние два года своего существования (1855-1857) „Зоря Галицкая“ пытается вернуться на национальную позицию и призывает к отказу в употреблении русского языка для развития терминологической лексики: „Если бы въ народнѣй бесѣдѣ нашѣй выразѣвъ намъ ѡкихъ неставати могло, то певно хиба ино десь ѡкихсь тамъ техничныхъ. Єднаковожь незнаю, въ чѣмъ бы то намъ ихъ неставати могло. Высшихъ математыхъ, высокоумудрованныхъ фильсофѣй, технольогѣй фабрычныхъ не потрѣбуємо и не пишемо. Дежь тихъ слѣвъ техничныхъ намъ потреба? А если бы десь тамъ навѣтъ безъ того обѣйти са не могло, то прецѣнь повиннисьмо ихъ брати зъ бесѣдъ тыхъ народѣвъ, съ которыми жѣємо, которыхъ бесѣду знаємо, абы тѣи выразы зрозумѣлїи были. Але не зъ росѣйскои, которой никто оу насъ хиба десь десь кто тамъ розумѣє“ [7: 6, 92].

В силу указанных исторических условий философская терминология начала формироваться на Украине только во второй половине XIX века. Философскую терминологию разрабатывали авторы печатных работ по философии и переводчики философских произведений с европейских языков. Преподавание философии в высших учебных заведениях не имело заметного влияния на развитие украинской терминологии, так как в Восточной Украине оно велось на русском языке, а в Западной – на польском и немецком. В Галичине в конце XIX века был опубликован ряд работ по философии, среди которых есть как труды галицких авторов, так и переводы, в первую очередь с немецкого языка. Заметную роль в формировании национальной философской терминологии сыграли

³ „Зоря галицкая“ в отчаянии восклицала: „... понеже у насъ кромѣ школьныхъ нѣтъ иныхъ ни высшихъ науковыхъ, ни народно-поучительныхъ книгъ“ [7: 8, 127].

⁴ Орфография названия менялась в течение времени: *Зора галицка* (1848), *Зоря галицка* (1848-1851, 1855-1857), *Зоря галицкая* (1852-1854).

философские труды Климента Ганкевича, Владислава Федоровича⁵, перевод Ивана Франко⁶ „Очерков по философии“ Фрица Шульце, учебники логики Василия Ильницкого⁷ и Фаддея Мандыбура⁸, учебник по пропедевтике философии Василия Щурата⁹ и др.

В 60-е годы на смену философии средневековья приходит немецкий идеализм конца XVIII - начала XIX вв. и позитивизм. Одним из наиболее ярких представителей галицких философов-идеалистов является Климентий Ганкевич¹⁰ (1842-1924). В 60-ых годах XIX в. Ганкевич принадлежал к движению украинофилов, позже охотно публиковался и в руссофильской прессе.

Основные научные вопросы, разработкой которых занимался Ганкевич, касаются истории философии, психологии, эстетики, христианской теологии и философского анализа языка. В своих работах по истории философии Ганкевич выступает оригинальным автором и является по мнению современных украинских исследователей своего рода новатором [5: 137]. Его вклад заключается в исследовании развития философии славянских народов, прежде всего в Украине (в Галичине), Польше и Чехии. Ганкевич придерживался мнения, что с середины XIX в. именно славянская философия продолжала развитие гегелевской исторично-философской концепции, и таким образом отвергал пангерманскую концепцию в истории философии.

Необходимо отметить вклад Ганкевича в развитие философской терминологии, так как свои труды он публиковал на родном языке. Признавая, что при написании сочинений философского характера он постоянно испытывал трудности в выборе терминов, Ганкевич призывал к использованию имеющихся языковых ресурсов, которые необходимо обрабатывать и усовершенствовать, и подавал положительный пример, применяя следующую лексику: *высша еднѡсть, естество, бытъе, житъе, людске пѡзнанье, мысленье, понятъе общого и поодинокого, свѣдомѡсть*. Зачастую он был вынужден прибегать к употреблению и интернациональных терминов: *идея абсолютной справедливости, право натури, первѣснї матерїї, три трансцендентальнї идеи, универсумъ* и др.

⁵ Федорович Владислав. Емпирична и утилітарна тенденція теперішньої науки.

„Правда“, Львів 1872, № 4.

⁶ Нарисъ історїѣ філософіѣ. Часть перша. Из нѣмецького проф. Фріца Шульце переклав Иванъ Франко, Львів, 1887.

⁷ Ильницкий Василь. Логика на язык русской переведена ведля Бехка до ужитку шкѡль середнихъ через В.И., Львів, 1880.

⁸ Мандибур Тадей. Лъогіка, Львів, 1902.

⁹ Василь Щурат. Гїмназияльна пропедевтика філософії, у Львові, 1902.

¹⁰ К. Ганкевич издал многочисленные философские работы, среди которых следует упомянуть „Очерк славянской философии“ (1869), „Жизнь, творчество и философская система Бронислава Трентовского“ (1871), „Короткий очерк психологии“ (1874), „История и критика материализма“ (1880), „Народная философия украинцев“ (1881), „История и критика дарвинизма“ (1887) и др.

Примером использования имеющихся языковых ресурсов служит сочинение и другого представителя украинофильского лагеря – „Народная русская философия“ Евгения Згарского. Статья, написанная на основе народных пословиц и поговорок, не является исследованием собственно философского характера. Тенденциозную подборку материала автор пытается выдать за мировоззрение украинцев. Характер отобранных пословиц и поговорок позволяет тем не менее сделать выводы о философском мировоззрении самого автора, который видит в Боге верховного законодателя и повелителя. Згарский употребляет в своём сочинении, которое впервые было опубликовано на страницах украинофильской „Правды“ в 1867 г., в качестве философских терминов следующие лексемы из родного языка: *Божа истота, доконала свобода, добро загальне, добро найвысше, розумь, суттє* и др.

К интралингвистическим факторам относятся звуковое оформление терминов, словообразовательные модели терминов, способы образования сложных терминов, способы калькирования и фонетического освоения иностранных философских терминов и пр. В это связи следует отметить следующее:

Звуковое оформление терминов происходило по фонетическим законам украинского языка:

- наличие *i* в закрытом слоге на месте этимологического *o*: *противність, супротивність, спосіб, пізнавання, схоластикѡвъ*;
- наличие *i* в закрытом слоге на месте этимологического *e*: *змін, рѣчей, примѣрный*;
- наличие палатализованного *л* в заимствованиях: *льоика, сильльоогисмъ, фильософіа*.

В этот период усложнилась структура терминов: если раньше существовали только двухсловные сложные термины (существительное + согласованное прилагательное), то в исследуемый период появились термины, состоящие из трёх и более слов (*розумная дѹша вселеньская, метафізичний спосіб мисленя, суспільні средства подукційні, метода змін виступаючих сучасно*). В украинском языке второй половины XIX в. существовали следующие основные структурные типы сложных философских терминов:

- существительное (им.п.) + существительное (род.п.): *дѹша вселенны, теорія пізнавання*;
- прилагательное (им.п.) + существительное (им.п.) + существительное (род.п.): *метафізичний спосіб мисленя*;
- существительное (им.п.) + прилагательное (род.п.) + существительное (род.п.): *метода супровідних змін, направленіє временного дѹха*.

По лексико-семантическому признаку термины исследуемого периода можно разделить на следующие группы:

- общефилософские понятия: *естество найвысше, матерія, вещество, матеріальний, идеальний, добро, дүхъ, отвлечимое естество*;
- термины для обозначения процесса познания: *досвѣдъ, свидѣніе, мыслевладня*;
- термины, обозначающие составные части философии и философские науки: *льоика, любомудріе, метафизыка, фильософіа*;
- термины, обозначающие философские направления, течения, школы: *схоластицызмъ, фильософіа Спикүрейчыкѡвъ, фильософіа Стоикѡвъ, фильософія идеальна, школа Перепатетыкѡвъ*;
- термины, обозначающие принадлежность к философским направлениям, течениям, школам: *мудрагелѣ, новолатоницы, софисты, схоластыкѡвъ*;
- исторические философские термины: *вола, дүхъ найвысшій, вселеннодүша, дүша вселенны, найвысшій вопросъ, розүмная дүша вселеньская*;
- термины, обозначающие понятия логики: *выводъ примѣрный, дѣлательну первопричину, первопричины рѣчей, розүмный первопричинныкъ, сильльогизмъ*.

Характерной особенностью образования терминов в исследуемый период было калькирование иноязычных терминов, в первую очередь немецких: *вселеннодүша „Weltseele“, выводъ примѣрный „Induktionsschluss“, направлєніе временного дүха „Richtung des Zeitgeistes“, державословіе „Staatenkunde“, предсүществованье „Präexistenz“, словослогъ выводовой „Schlusssatz“*.

Украинская философская терминология конца XIX в. отличалась наличием в ней большого количества терминов-дублетов. Так, например, в группе терминов, обозначающих общефилософские понятия, параллельно употреблялись следующие термины: *антогонїзм – противнїсть – супротивлєжнїсть, естество – ество – істота – істотнїсть – сүть – сүтнїсть, явище - з'явиско – проява – поява – феомен, первына – первотворъ, предсүщество – предсүществованье, вселеннодүша – дүша вселенны – розүмная дүша вселеньская* и многие другие.

Среди иностранных терминов-заимствований важное место занимают грецизмы и латинизмы, что логически объясняется несколькими причинами. Во-первых, древнегреческий и латинский имели хорошо развитую философскую терминологию. Во-вторых, многие греческие и латинские термины стали интернационализмами, передать же интернационализмы лексическими средствами национального языка чрезвычайно трудно, а чаще всего невозможно. В-третьих, грецизмы и латинизмы лишены тех прямых и первичных значений, которые имеют слова родного языка, а отсутствие дополнительных значений является весьма важной функциональной характеристикой терминов. Наряду с ними употреблялись уже известные кальки латинских и греческих терминов (*любомудріе* → гр. *паптава, філософіа*; *заключеніе* → лат.

conclusio, доказованье → лат. *demonstratio*). Другим широко используемым способом образования служил перевод терминов лексическими средствами родного языка: *матерію, вещества* → лат. *materia, первотворы* → лат. *elemente* и др.

При написании или переводе философских произведений авторы были вынуждены или самостоятельно создавать термины, необходимые для выражения мысли (*загал, многота, метавідповідність, нелад, питоменність, самовіжа* и др.), или заимствовать словообразовательные типы из польского или русского языков (*аксіомат, бит, зв'язь, поєдинче, позор, последствие, припадок, свійство, сложене, софізмат* и др.).

Наличие значительного количества руссизмов и полонизмов в украинской философской терминологии второй половины XIX в. обусловлено тесными культурными связями украинцев с русским и польским народами и более высоким уровнем развития философской терминологии в этих языках. Заметное количество заимствований из русского и польского является также следствием близости украинского языка к ним по лексическому составу, грамматике и словообразованию.

В конце XIX в. были предприняты первые попытки упорядочить украинскую философскую терминологию. Однако расчленённость земель Украины государственными границами, запреты и ограничения украинского языка, языковая борьба между самими украинцами делали эти попытки безуспешными. В результате философская терминология – как и вся научная терминология того времени – оставалась нестабильной и неупорядоченной. Лексический состав, особенности и недостатки украинской философской терминологии в значительной степени обусловлены положением украинского языка в то время. Ограничения и запреты, которым подвергался украинский язык, тормозили (в Западной Украине) или делали невозможным (в восточной Украине) печатание философских работ на родном языке, а также преподавание на нём философских дисциплин в школах и университетах. Это не могло не отразиться на степени развития и стабилизации украинской философской терминологии. Однако несмотря на эти недостатки фундамент украинской философской терминологии был заложен именно во второй половине XIX в.

В заключении можно сказать следующее:

1. Во второй половине XIX в. в Галичине уже была создана развитая философская терминология, позволявшая выражать самые разнообразные понятия философии.
2. В отличие от староукраинской философской терминологии, основу которой составляли церковнославянизмы, во второй половине XIX в. в Галичине философская терминология создавалась на почве разговорного языка.

3. По сравнению со староукраинским языком усложнилась структура терминов и увеличилось количество типов сложных терминологических сочетаний.
4. Развитие философской терминологии в украинском языке в Галичине второй половины XIX в. шло следующими путями:
 - a. путём использования староукраинских философских терминов;
 - b. путём заимствования терминов из русского, польского, греческого и латинского языков;
 - c. путём калькирования иноязычных терминов, в первую очередь немецких;
 - d. путём образования оригинальных философских терминов на основе существующих лексем в соответствии со словообразовательными типами украинского языка.
5. О том, что процесс формирования философской терминологии во второй половине XIX в. в Галичине не был закончен, свидетельствует и параллельное употребление двух и более терминов для обозначения одного и того же понятия, и замена терминов другими, более удачными, которые лучше передавали содержание обозначаемых ими понятий и по своим лексическим и словообразовательным особенностям были ближе к украинскому языку.
6. Много философских терминов второй половине XIX в. вышли из употребления, однако большинство из них вошло в состав современной украинской философской терминологии, образовав её основу.

Литература:

1. Ганкевич, Климентій: Кôлька мыслей из философіи. „Правда“, Львів 1868, № 14-15, № 18-20, № 45-47.
2. Згарський, Євгеній: Народня философія списана по народнімъ пословицямъ и приповідкамъ. „Правда“, Львів 1867, № 7-19.
3. Максимович, Михаил: Собрание сочинений. – Т. 3.: Языкознание. История словесности. Киев 1880.
4. Пашаева, Нина: Очерки истории русского движения в Галичине XIX - XX вв. Москва 2001.
5. Пронюк, Євген: Остап Терлецький в ідейній боротьбі в Галичині 70-их років XIX століття. Київ 2006.
6. Wendland, Anna Veronika: Die Russophilen in Galizien. Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Russland 1848-1915. Wien 2001.
7. Зоря галицкая. Листъ повременный, посвященный литературному, общепользному и забавному чтенію. Иждивеніемъ и типомъ Института Ставропигіянскаго. Отвечательный редакторъ Николай Савчиньскій. Во Львовѣ 1855.